

Сказка Туве Янссон

" В конце ноября "

Глава 16

На другой день Снусмумрика пригласили на воскресный обед. В четверть третьего гонг Филифьонки позвал всех к обеду. В половине третьего Снусмумрик воткнул в шляпу новое перо и направился к дому. Кухонный стол был вынесен на лужайку, и хемуль с хомсой расставляли стулья.

– Это пикник, – пояснил мрачно Онкельскрут. – Она говорит, что сегодня мы может делать все, что нам вздумается. Вот Филифьонка разлила по тарелкам овсяный суп. Дул холодный ветер, и суп покрывался пленкой жира.

– Ешь, не стесняйся, – сказала Филифьонка и погладила хомсу по голове.

– Почему это мы должны обедать на дворе? – жаловался Онкельскрут, показывая на жирную пленку в тарелке.

– Жир тоже нужно съесть, – приказала Филифьонка.

– Почему бы нам не уйти на кухню? – затянул опять Онкельскрут.

– Иногда люди поступают, как им вздумается, – отвечала Филифьонка, – берут еду с собой или просто не едят! Для разнообразия! Обеденный стол стоял на неровном месте, и хемуль, боясь пролить суп, держал свою тарелку двумя лапами.

– Меня кое-что волнует, – сказал он. – Купол получается нехорошим. Хомса выпилил неровные доски. А когда их начинаешь подравнивать, они получаются короче и падают вниз. Вы понимаете, что я имею в виду?

– А почему бы не сделать просто крышу? – предложил Снусмумрик.

– Она тоже упадет, – сказал хемуль.

– Терпеть не могу жирную пленку на овсяном супе, – не успокаивался Онкельскрут.

– Есть другой вариант, – продолжал хемуль, – можно вовсе не делать крышу. Я вот тут сидел и думал, что папа, может быть, захочет смотреть на звезды, а? Как вы думаете?

– Это ты так думаешь! – вдруг закричал Тофт. – Откуда тебе знать, что папа захочет?

Все разом перестали есть и уставились на хомсу.

Хомса вцепился в скатерть и закричал:

– Ты делаешь только то, что тебе нравится! Зачем ты делаешь такие громоздкие вещи?

– Нет, вы только посмотрите, – удивленно сказала Мюмла, – хомса показывает зубы.

Хомса так резко вскочил, что стул опрокинулся, и, сгорая от смущения, хомса залез под стол.

– Это хомса-то, такой славный, – холодно сказала Филифьонка.

– Послушай, Филифьонка, – серьезно заявила Мюмла, – я не думаю, что можно стать Муми-мамой, если вынесешь кухонный стол во двор.

И Филифьонка вскипела.

– Только и знаете: "Мама – то, мама – это"! – кричала Филифьонка, вскакивая из-за стола. – И что в ней такого особенного? Разве это порядочная семья? Даже в доме не хотят наводить чистоту, хотя и могут. И даже самой маленькой записочки не пожелали оставить, хотя знали, что мы... – Она беспомощно замолчала.

– Записка! – вспомнил Онкельскрут. – Я видел письмо, но куда-то его запрятал.

– Куда? Куда ты его запрятал? – спросил Снусмумрик.

Теперь уже все встали из-за стола.

– Куда-то, – пробормотал Онкельскрут. – Я, пожалуй, пойду опять ловить рыбу, ненадолго. Этот пикник мне не нравится. В нем нет ничего веселого.

– Ну вспомни же, – просил хемуль. – Подумай. Мы тебе поможем. Где ты видел письмо в последний раз? Подумай, куда бы ты его спрятал, если бы нашел сейчас?

– Я в отпуске, – упрямо ответил Онкельскрут, – и я могу забывать все что хочу. Забывать очень приятно. Я собираюсь забыть все, кроме некоторых мелочей, которые очень важны. А сейчас я пойду и потолкую с моим другом – предком. Он-то знает. Вы только предполагаете, а мы знаем.

Предок выглядел так же, как и в прошлый раз, но сейчас у него на шее была повязана салфетка.

– Привет! – сказал Онкельскрут, покачав головой и притопывая. – Я ужасно огорчен. Ты знаешь, что они мне сделали? – Он немного помолчал. Предок тоже покачивал головой и притопывал. – Ты прав, – продолжал Онкельскрут, – они испортили мне отпуск. Я, понимаешь, горжусь тем, что мне удалось так много всего забыть, а теперь вдруг, извольте, велят вспомнить! У меня болит живот. Я так зол, что у меня заболел живот.

В первый раз Онкельскрут вспомнил про свои лекарства, но он забыл, куда их подевал.

– Они были в корзинке, – повторил хемуль. – Он говорил, что лекарства у него в корзинке. Но корзинки в гостинной нет.

– Может быть, он забыл ее где-нибудь в саду, – сказала Мюмла.

– Он говорит, что это мы виноваты! – закричала Филифьонка. – При чем тут я? А я-то еще угощала его горячим смородиновым соком, который ему так нравится!

Она покосилась на Мюмлу и добавила:

– Я знаю, что Муми-мама подогревала сок, когда кто-нибудь болел. Но я все-таки сварила его на всякий случай.

– Прежде всего я прошу всех успокоиться, – заявил хемуль, – и я скажу, что каждому нужно делать. Стало быть, речь идет о бутылочках с лекарствами, бутылочке коньяка, письме и восьми парах очков. Мы разделим сад и дом на квадраты, и каждый из нас...

– Да, да, да, – поддакнула Филифьонка. Она заглянула в гостиную и с тревогой спросила: – Как ты себя чувствуешь?

– Неважно, – отвечал Онкельскрут. – Как можно себя чувствовать, когда тебе предлагают суп с жирной пленкой и не дают ничего спокойно забывать? – Он лежал на диване, укрывшись целым ворохом одеял, на голове у него была шляпа.

– Сколько тебе лет, собственно говоря? – осторожно спросила Филифьонка.

– Умирать я пока не собираюсь, – весело заявил он, – а тебе-то самой сколько лет?

Филифьонка исчезла. Повсюду в доме открывались и закрывались двери, из сада доносились крики и беготня. Все думали только об Онкельскруте.

"Эта корзинка может оказаться где угодно", – думал Онкельскрут беспечно. В животе у него больше не крутило.

Вошла Мюмла и примостилась к нему на край дивана.

– Послушай, Онкельскрут, – сказала она, – ты такой же здоровый, как я. Ничего у тебя не болит, сам знаешь.

– Возможно, – отвечал он. – Но я не встану до тех пор, пока мне не устроят праздник. Совсем маленький праздник для такого пожилого, как я, и который справился с болезнью!

– Или большой праздник для Мюмлы, которая хочет танцевать! – тактично добавила Мюмла.

– Ничего подобного! Огромный праздник для меня и предка! Он уже сто лет ничего не праздновал. Сидит себе в шкафу и горюет.

– Если ты веришь этому, значит, можешь верить чему угодно, – сказала Мюмла, ухмыляясь.

– Нашел, нашел! – закричал за окном хемуль. Двери распахнулись, все сбежались в гостиную, сгорая от любопытства. – Корзина была под верандой! – радостно объяснил хемуль. – А лекарство стояло на другом берегу реки.

– Ручья, – поправил Онкельскрут. – Сначала подайте мне лекарство.

Филифьонка налила ему капельку в стакан, и все внимательно следили за тем, как он пьет.

– Может, ты съешь по одной таблетке из каждого пакетика? – спросила Филифьонка.

– И не собираюсь, – ответил Онкельскрут и со вздохом откинулся на подушки. – Только не вздумайте говорить мне неприятные вещи. Я все равно не смогу окончательно выздороветь, пока мне не устроят праздник...

– Снимите с него ботинки, – сказал хемуль. – Тофт, снимите с него ботинки. Это первое, что нужно сделать, когда болит живот.

Хомса расшнуровал Онкельскруту ботинки и снял их. Из одного ботинка от вытащил скомканную белую бумажку.

– Письмо! – закричал Снусмумрик. Он осторожно расправил бумажку и прочитал: "Будьте добры, не топите кафельную печь, там живет предок. Муми-мама".